

Висаитов Арби Адрахманович,

Магистрант НАЧОУ ВПО СГА

Направление: Юриспруденция

Магистерская программа: Уголовное право, криминология, уголовно-исполнительное право

Уголовная ответственность за корыстные убийства

Аннотация. Приводятся мнения различных авторов относительно квалификаций корыстных убийств. Определены признаки совершения убийства из корыстных побуждений.

Ключевые слова: корыстные побуждения, материальная выгода, материальные затраты, убийства, корыстный мотив, умысел, цель

Человеческое поведение всегда сознательно и подчинено воле действующего субъекта. Учитывая вышесказанное, можно сделать вывод, что подход к пониманию корыстных убийств должен основываться на определении ключевого, движущего мотива деятельности и цели, ради достижения которой действует преступник.

Среди юристов распространено мнение, что правовое понимание мотива преступления отличается от понимания мотива в психологии. Однако такой подход следует признать ошибочным. Совершая тот или иной поступок (в том числе и социально неодобряемый, названный запрещенным), человек всегда находится в рамках поведенческих механизмов. Другое дело, что оценка криминального (преступного) поведения, как правило, осуществляется с привязкой к формальной (нормативно определенной) системе координат. В этом смысле мотивы преступного поведения могут преломляться, оцениваться своеобразно применительно к прикладным задачам правоприменения [14, с. 55].

Прежде всего, попытаемся понять, что обозначает в русском языке слово «корысть». С.И. Ожегов определяет это понятие как выгоду, материальную пользу [10, с. 287]. В словаре В. Даля корысть понимается как страсть к приобретению, к поживе, жадность к деньгам, богатству, любостяжание [4, с. 354]. Этимологическое значение корысти видоизменялось с течением времени от первоначального значения в древнерусском языке «добыча» до «жадно хватать, смотреть с завистью» в более позднее время. В сходных по группе с русским языках (украинском, сербохорватском, словенском, чешском, словацком, польском) понятие корысти традиционно трактуется в весьма нейтральном значении: «добыча», «выгода», «трофеи», «извлекать пользу» [16, с. 165]. Таким образом, можно заключить, что термин «корысть» имеет противоречивое лексическое значение, которое далеко не всегда имеет негативный контекст.

В уголовно-правовых и криминологических исследованиях корысть, как правило, наделяется отрицательным нравственным оттенком, служит показателем эгоистического содержания поведения субъекта. Такой подход вполне объясним, поскольку корысть подвергается анализу с позиций уголовного закона, автоматически преломляющего в сознании исследователя любой криминообразующий либо квалифицирующий признак в негативный, общественно опасный. Весьма показательным в этом отношении суждение, сформулированное в одной из криминологических работ, согласно которому «в отличие от обычной материальной заинтересованности корысть означает получение материальной выгоды аморальным способом» [5, с. 12]. Аналогичным образом во многих учебниках по уголовному праву и в ряде комментариев к УК РФ [1] представлена негативная оценка содержания исследуемого признака [11, с. 87]. Основанием такого подхода может служить известная позиция А.И. Рарога, который неоднократно высказывал мысль о том, что содержание низменных мотивов преступления образуют лишь те побуждения, которые непосредственно закреплены в тексте уголовного закона [15, с. 143].

С учетом сказанного представляется целесообразным оценить действительное содержание корысти с привлечением не только правового, но и психологического подхода.

Психологи, социологи и криминалисты указывают, что стремление к материальной выгоде относится к нормальному естественному стремлению любого человека. Как верно указывает В.П. Вдовиченко, «Корысть не только эмоционально нейтральна, но и априори присуща человеку. Другое дело – способы и средства удовлетворения корыстных устремлений» [3, с. 76]. Лишь в случае выбора лицом противоправных способов удовлетворения корысти можно говорить о ее уголовно-правовом и криминологическом значении. «Преступный путь выбирается правонарушителем только тогда, когда он в рамках усвоенной системы ценностей представляется ему более коротким, экономным, скорым и выгодным по сравнению с правомерными путями достижения тех же целей» [8, с. 132]. Однако здесь важно подчеркнуть, что при совершении преступления криминогенна не корысть сама по себе, а тот комплекс факторов, который способствовал выбору незаконного способа ее удовлетворения. К таким факторам, как правило, относятся личностные характеристики преступника. Личностные черты преступника накладывают отпечаток на мотивацию, а мотивы преступного поведения, закрепившись в уголовно наказуемых действиях, деформируют личность преступника [6, с. 98].

Интересную оценку категории «корысть» в узком, уголовно-правовом смысле дают М.Г. Миненок и Д.М. Миненок. Авторы, подчеркивая многоаспектный характер корысти, указывают, что она может проявляться: 1) в стремлении к личной наживе, желании обогатиться за счет незаконного изъятия имущества; 2) желании избавиться от материальных затрат; 3) стремлении обеспечить имущественную выгоду другим лицам [9, с. 220]. В подобной трактовке хорошо прослеживается инструментальное значение убийства при реализации корыстных побуждений. Отчасти это нетрадиционное проявление агрессии противопоставляет корыстное убийство иным квалифицированным по мотиву и целям видам этого преступления. Преломляя слова В.И. Красикова о

том, что «в биологическом мире насилие непосредственно связано с физическими демонстрациями силы и в меньшей мере – с символическими» [7, с. 51], к исследования корыстных убийств, можно предположить, что такие убийства суть «символические преступления», где жизнь другого человека «приносится в жертву» идее удовлетворения материальных потребностей. Причем для самого преступника жизнь жертвы может не иметь и, как правило, не имеет какой-либо серьезной ценности, хотя ее ценность всегда несомненна для общества.

История отечественного уголовного законодательства фиксирует устойчивую традицию повышения ответственности за корыстные посягательства на жизнь. В определенном смысле это свидетельствует о наличии весьма прочных культурно-исторических основ соответствующего уголовно-правового запрета. Однако история дает ответ на вопрос о видах наказания и их суровости лишь применительно к конкретному времени и не отвечает на вопрос о том, насколько в современных условиях оправданно усиление ответственности за корыстное убийство. В равной степени представленный лексический анализ термина «корысть» не подтверждает острой необходимости в повышении санкции за корыстное убийство в действующем уголовном законодательстве. Налицо многоуровневый характер оснований уголовно-правовой нормы о корыстном убийстве, который сложно установить, используя лишь историко-правовые и лингвистические методики познания. Представляется, что в основе усиления ответственности за корыстные убийства лежат иные, более глубокие и значимые, факторы (социально-политические, нравственные и т.п.). Именно изучение этой группы обстоятельств позволяет глубже понять, объяснить и оценить необходимость криминализации корыстного убийства как квалифицированного состава. Обратимся к исследованию обозначенных факторов.

В современных условиях ссылки на негативную социально-политическую оценку корысти уже не могут восприниматься как однозначно убедительные. А потому важно выяснить, почему и в современных российских условиях, когда

человек признан высшей (почти абсолютной) ценностью (ст. 2 Конституции РФ), убийство из корысти признается более опасным посягательством на жизнь, нежели любое другое посягательство на это высшее благо, а также насколько мотив увеличивает опасность и без того самого опасного преступления. Не исключено, что постановка и последовательное решение этого вопроса могут привести к выводу о том, что всякое умышленное посягательство должно оцениваться по одной и той же статье (части статьи) уголовного закона.

Резкие изменения в политической, социальной, экономической, правовой и духовно-нравственной жизни страны в конце XX в. потребовали нового, адекватного времени и соответствующего системе конституционно-установленных ценностей российского общества уголовного законодательства. Разработка, обсуждение и принятие УК РФ 1996 г. с учетом конституционно-правовых (идеологических) ориентиров осуществлялась на фоне весьма сложной криминальной обстановки в стране. Эскалация насилия, увеличение числа совершаемых убийств, в том числе сопряженных с иными преступлениями, рост корыстной мотивации при совершении насильственных преступлений, увеличение числа убийств по найму – вот те тенденции и показатели насильственной преступности, которые нашли отражение в официальной статистике и научной литературе, характеризовали российское общество 1990-х гг. Специалисты со ссылками на судебную практику указывали, что в стране отмечается рост так называемых квартирных убийств, ранее не характеризовавшихся такими масштабами; убийств с целью удержания или получения ценностей, распределение которых законом не регулируется (например, при дележе похищенного имущества); убийств по найму и т. п.

С учетом этих неблагоприятных показателей, тормозящих развитие общества и угрожающих безопасности государства, особое значение приобрела потребность в надлежащей правовой защите жизни человека от преступных

посягательств, в том числе от тех, в основе которых лежат корыстные побуждения.

Проблема нравственного наполнения норм уголовного права нуждается сегодня в особой оценке (вероятно, даже в большей степени, чем правовых норм иной отраслевой принадлежности), поскольку уголовно-правовые средства обладают наибольшим воздействием на общественные отношения. Именно поэтому нормы уголовного права, как отмечает С.В. Тасаков, «нуждаются в соответствии нормам нравственности»; от того, насколько они подкрепляются моралью и отношением к ним общества, во многом зависит эффективность таких норм [12, с. 98].

Сказанное представляется важным для понимания природы действующей сегодня нормы об ответственности за корыстное убийство. С этих позиций можно поставить вопрос не только о потребности общества в повышенной защите нравственности («убийства из корысти аморальны по своей природе и разлагают общество»), но и о желании власти обеспечить защиту жизни путем формирования определенных нравственных представлений, выраженных в законе и преломленных сквозь призму отдельных уголовно-правовых запретов.

Рост объемов и интенсивности криминальных угроз в России конца прошлого столетия вместе с другими факторами привел к падению ценности человеческой жизни в общественном сознании и «окорыстливанию» человеческих отношений. Эти процессы негативно повлияли на состояние нравственности российского социума, деформировали социально-психологическую материю общества. К сожалению, и сегодня остановить их не удалось. По данным НИИ Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, в системе ценностных ориентаций современных российских жителей значение человеческой жизни значительно меньше, чем ценности успеха, денег, комфорта и иных благ. А для отдельной части населения (13,3%) человеческая жизнь и вовсе не представляет какой-либо ценности [2, с. 153]. В подобных условиях проблема уголовно-правовой защиты (и, как ни странно, формирования) нравственности приобретает особое значение.

Определив охрану нравственности одним из приоритетов государственной политики, Российская Федерация осуществляет ее в различных формах, в том числе и с помощью установления уголовно-правовых запретов. «Нравственная значимость правовых норм, – указывал А.А. Тер-Акопов, – заключается в том, что они отражают и закрепляют общепринятые и необходимые для существования общества правила поведения, выражают представление общества о том, какими должны быть общественные отношения» [13, с. 14]. Включение законодателем в текст уголовного закона нормы об ответственности за корыстное убийство, как представляется, было ориентировано среди прочего на подтверждение конституционно-установленной идеи высшей ценности человека. Таким образом, норма об ответственности за корыстное убийство имеет перед собой вполне ощутимый и явно определенный нравственный ориентир.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. Богданова Л.Н. К вопросу о ценности человеческой жизни (по результатам исследования толерантности населения) // Уголовное право и современность: сб. ст. Вып. 4. / Отв. ред. А.Э. Жалинский. Т. 1. М., 2012.
3. Вдовиченко В.П. Криминологическая характеристика и предупреждение групповых грабежей: Дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2011.
4. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. М., 2001.
5. Зелинский А. Ф. Корысть: опыт криминологического и психологического анализа // Государство и право. 2010. № 3.
6. Игошев К.Е. Типология личности преступника и мотивация преступного поведения. Горький, 1974.

7. Красилов В. И. Насилие в эволюции, истории и современном обществе. Очерки. М, 2009.
8. Лунеев В.В. Мотивация преступного поведения. М., 2011.
9. Миненок М.Г., Миненок Д.М. Корысть. Криминологические и уголовно-правовые проблемы. СПб., 2001.
10. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1999.
11. Российское уголовное право. В 2 т. Особенная часть: учеб. / Под ред. Э.Ф. Побегайло. Т. 2. М., 2013.
12. Тасаков С.В. Нравственные основы норм уголовного права о преступлениях против личности. СПб., 2008.
13. Тер-Акопов А.А. Защита личности – принцип уголовного закона // Современные тенденции развития уголовной политики и уголовного законодательства. М., 1994.
14. Тимакова Ю.А. К вопросу о корыстных убийствах // Научный портал МВД России. 2010. № 12.
15. Уголовное право. Особенная часть: учеб. / Под ред. А.И. Рарога. М., 2011.
16. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. Т. 2. М., 2008.

© Бюллетень магистранта 2015 год №7